

2020 УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 1
Русская литература XX-XXI веков: направления и течения

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ

Г.В. Кукуева

ORCID: 0000-0001-6140-690X

Сургут, Россия

E-mail: kupala@inbox.ru

УДК 821.161.1-32(Шукшин В.)

DOI 10.26170/ufv20-01-01

ДЕТАЛЬ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ-ОЧЕРКОВ В.М. ШУКШИНА

Аннотация. Материалом исследования в данной статье являются рассказы-очерки В.М. Шукшина, представляющие собой синкретическую жанровую форму, в которой органично соединены жанровые признаки классического нарратива с приметами очеркового письма. В статье анализируется такой ядерный признак рассказов-очерков писателя, как деталь. Именно она служит основой лепки очеркового образа шукшинского героя в данном типе произведений. В ходе анализа выявлено, что в рассматриваемых текстах В. М. Шукшина реализуются следующие виды детали: вещная, социально-бытовая, поведенческая, портретная. Установлено, что деталь в рассказах-очерках полифункциональна; ее значимость зависит от проблематики произведения, а также от прагматической установки автора. В работе выявлены следующие функции детали: создание целостного представления социально значимой проблемы или портрета главного героя, экспликация внутреннего конфликта между персонажами, организация динамики повествования, усиление эмоционально-модальной стороны повествования.

Ключевые слова: малая проза, рассказы-очерки В. М. Шукшина, деталь, функции.

G.V. Kukueva

Surgut, Russia

DETAIL IN TEXTS OF STORIES-ESSAYS BY V.M. SHUKSHIN

Abstract. The research material of this article are been V. M. Shukshin's stories-sketches, a syncretic genre form in which genre signs of a classical narrative are organically connected to marks of the the essay type of writing. In the article such nuclear sign of stories-sketches as a detail is analyzed. It forms a basis of a molding of an essay

type image of the Shukshin's hero in this type of creative works. During the analysis it is revealed that in the considered V. M. Shukshin's texts the following types of a detail are implemented: social, behavioural, portrait. It is established that the detail in stories sketches is multifunctional; updating of the functional importance depends on a work perspective, and also on pragmatism position of the author. In work the following functions of a detail are revealed: creation of complete representation of a socially important problem or portrait of the main character, an explication of the internal conflict between characters, the organization of dynamics of the narration, strengthening of the emotional and modal sides of the narration.

Keywords: small prose, V. M. Shukshin's stories sketches, detail, functions.

В историко-литературном пространстве исследователи [Беневоленская 1983; Журбина 1969; Чернец 1982; Шкляр 1989], характеризуют очерк как один из жанров эпической литературы, обладающих ярко выраженным аналитическим началом и стремлением к диффузии и трансформации. Взаимопроникновение рассказа и очерка, как считает В. И. Шкляр, обусловлено такими жанровыми свойствами рассказа, как «однотемность, завершенность сюжета и самого процесса создания характера героя, отражение тем и фактов, которые могут составить основу собственно публицистических жанров, и прежде всего очерка» [Шкляр 1989: 25]. В 60-е годы XX века жанр очерка был востребован писателями (см.: произведения Д. Гранина, В. Овечкина, В. Чивилихина, В. Пескова). Транслирование правдивых и типологически обобщенных ситуаций, героев или проникновенное исследование глубин русской души напрямую определялось социально-культурным запросом общества. Вместе с тем, природная «гибкость» очерка давала писателям свободу для экспериментирования, поиска новых, ярких и в чем-то необычных жанровых форм, которые помогли бы привлечь читательскую аудиторию.

Рассказы-очерки В. М. Шукшина относятся к позднему периоду литературного творчества автора. Выбор писателем данной жанровой формы продиктован самой литературной ситуацией 60-х годов XX века, требующей сближения художественности и документальности в произведении любого жанра; поиском новых литературных форм, разрушающих каноны классического повествования, а также обостренным желанием самого В. М. Шукшина воспроизвести правду человеческих взаимоотношений.

Для писателя проблема жанровой определенности текстов малой прозы концентрировалась вокруг вопроса, касающегося соотношения реальности и художественной условности. В поэтике его творчества сформировалось противоречивое отношение к сюжетности литературы: с одной стороны, утверждение непредвзятого искусства, которое

не показывает то, что зритель знает, что отлилось в законченную форму, приводит к пониманию важной роли событийности, раскрывающей характер героя без навязчивого слова автора, с другой стороны, сюжет для писателя – средство достижения главного – исследование человеческого характера, в котором не типическое, а индивидуальное, личностное должно быть на первом плане. В таком противоречии рождался важнейший принцип писателя *«человекоцентричность»*. Он направлен на изображение «жизни души», требующей праздника, «поэтающей думы, надежды». Именно этот принцип позволил писателю соединить, казалось бы, взаимоисключающие признаки: натуралистическое, бытовое описание фактов и бессобытийные сюжеты, открытые финалы и остроконфликтную динамику сюжета и создать на этом фоне *«невывдуманные рассказы»* [Шукшин 1991: 403], в которых даже самый типичный факт и любые реалии подвергается художественному «обогащению».

Наше обращение к анализу рассказов-очерков В. М. Шукшина вызвано несколькими причинами, во-первых, осознанием его творчества как единого целостного пласта русской классической литературы, во-вторых, необходимостью понять, благодаря чему выстраивается каркас очеркового повествования в рассказах писателя и какую роль в этом процессе играет деталь.

Выявленные знаки очерковой манеры письма в текстах писателя [Козлова 1992; Кукуева 2007; Кукуева 2016; Куляпин 2005; Рыбальченко 1999] убеждают нас в том, что классическая жанровая форма очерка все-таки не свойственна малой прозе В. М. Шукшина. Документальность, точность фактов в текстах рассказов-очерков В. М. Шукшина получают особую эстетическую нагрузку, связанную с формированием художественно-речевой семантики и рассмотрением субъектно-речевых планов, анализ которых позволяет пролить свет на особенности жанровой и композиционной организации высказывания.

Приметами очеркового письма в текстах писателя являются: свободно организованная композиция, отсутствие драматически напряженного сюжета, документальность в описании ситуации, концентрация на изображении образа обычного, заурядного героя, а также бытовых и социальных событий. Наряду с этими признаками наблюдается выдвигание признаков анекдотического и сценического, повествования. Особое место в рассказах занимает деталь, по сути, она представляет собой основной элемент конструирования очеркового образа.

Соединение традиционного нарратива с приметами очеркового письма позволило выделить в творчестве В. М. Шукшина две группы

рассказов-очерков: 1) изображающие правду социальных обстоятельств; 2) описывающие характер колоритной личности.

Предметом исследования в настоящей работе является деталь как один из ядерных жанровых признаков рассказов-очерков, «лежащий в основе создания художественного образа, несущий значительную смысловую и эмоциональную нагрузку в произведении» [Тимофеев, Тураев 1974: 105].

Цель статьи – рассмотреть виды и описать функции детали в рассказах-очерках В. М. Шукшина.

В описании детали используется методика ретроспективно-проекционного анализа, напрямую соприкасающаяся с вопросом о бытовании текстов малой прозы в аспекте межжанровых отношений, а также методика лингвопоэтического анализа, имеющая своей задачей анализ адекватных и выразительных языковых знаков, общезыковых и индивидуальных, «имеющих специфическую функциональную нагрузку и предназначенных для передачи художественного смысла [Ревзина 1989: 138].

Сюжет рассказов-очерков В. М. Шукшина, изображающих правду социальных обстоятельств, базируется на привычной для литературы соцреализма коллизии – борьбе героя-энтузиаста с препятствиями, тормозящими движение жизни к светлому будущему. Документальная основа описываемых событий отражается в самих заглавиях произведений *«Правда»*, *«Коленчатые валы»*, в наименованиях учреждений того времени: *«колхоз “Гигант”*», *«областной сельхознаб»*, во фразах-клише, подтверждающих злободневность темы: *«трудовая расхлябанность»*, *«наказать со всей строгостью»*, *«халатность»*, *«стихийное бедствие»*, *«безалаберность»*, *«падёж свиней»*.

В первой группе текстов частотна профессиональная лексика: *«запасные коленчатые валы»*, *«штатунные вкладыши»*, *«жиклер»*, *«израненный вал»* («Коленчатые валы»); *«запальная свеча»*, *«контакты-усики»*, *«штурвал»* («Правда»). Лексика выступает в роли вещной детали, с помощью которой воспроизводится в произведении злободневная общественная проблема, требующая немедленного решения.

Наряду с отмеченной деталью наблюдается активность портретной и поведенческой деталей как важнейших приемов в изображении героя. Детали становятся выразителем семантики скрытого конфликта. Например, в рассказе «Коленчатые валы» имеют место детали-символы, с помощью которых конструируется динамический образ персонажа. Содержательное наполнение образа происходит путем последовательного развертывания деталей: 1) *«сидел какой-то незнакомый мужчина, лысый, с большим желтым портфелем»*; 2) *«<...> во*

рту его жарко вспыхнуло золото вставленных зубов <...>»; 3) «Сеня грозно глянул на золотозубого. И вдруг его осенило: городской вид лысого, его гладкое бабье лицо, золотые зубы, а главное, желтый портфель – все это непонятным образом вызвало в воображении Сени чарующую картину заводского склада...»; 4) «Это... Женя, друг, выручи!» [Шукшин 1984–1985, т. 2.: 81-82]. Деталь дает возможность читателю следовать за главным героем по тексту. Именно она формирует точку зрения Сени Громова как «некую композиционно-смысловую позицию, благодаря которой он оценивает и идеологически воспринимает изображаемый мир» [Успенский 2000: 20]. С точки зрения Сени атрибуты внешности – это своего рода знаки влиятельного начальника, который может помочь в решении производственной проблемы. Детали внешности «лысого» создают образ мужчины, противоположный герою, и эксплицируют скрытую в подтексте проблему нравственно-психологической «сшибки» двух характеров: открытого и искреннего в общении сельского шофера Сени и лицемерного Громова, играющего роль порядочного человека.

Поведенческая деталь у В. М. Шукшина, с одной стороны, формирует остросюжетность всего повествования, с другой – служит способом раскрытия потаенной сути человека. В рассказе-очерке «Крепкий мужик» именно данный тип детали придает динамику и остроту рассказу и позволяет обнаружить метаморфозы, происходящие с главным героем. В начале повествования поведение бригадира Шурыгина – это театрализованное представление актера перед публикой, причем представление, мастерски отточенное и явно не впервые разыгрываемое в соответствии с выбранной ролью руководителя среднего звена: **«Сперва Шурыгин распорядился этим делом, как всяким делом, – крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ <...>, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями»** [Шукшин 1984–1985, т. 2: 442-443]. Однако впоследствии герой по непонятным причинам меняет сценарий привычной роли, чем вызывает недоумение со стороны окружающих: *«Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался “пьяной харей”, Что с ним?»*; *«Кланька несмело – видела: что-то непонятное творится с мужем»* [Там же: 443]. Парадоксальность образа бригадира Шурыгина заключается в том, что совершая подлый, низкий поступок, он жаждет славы и претендует на роль исторической личности. Вот как сам герой оценивает свое поведение: *«Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили.<...> Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тротами и...»* [Там же: 441-443]. Но вместо заслуженной славы и одобрения со стороны окружающих он превращается

в «идола окаянного», «дьяволину». Причем очень важно, что данные характеристики звучат в речи матери героя. Именно она, как никто другой, видит необратимые перемены, происходящие с сыном. Таким образом, «перевоплощение» героя просматривается через поведенческие детали. Знаком подлинной сущности героя является его финальный поступок: *«наддал газку... и пропел громко, чтобы все знали, что у него – от всех этих проклятий – прекрасное настроение»* [Там же: 445].

Рассказы, описывающие колоритную внешность героя, сближаются с портретным очерком, предполагающим художественный анализ личности, воплощающей индивидуальное и типовое. «Важная функция портрета заключается в том, что он дает возможность наглядно, зримо представить героя и в этом плане стимулирует читательское воображение. Другая его функция – помочь через выделение каких-то внешних деталей заглянуть в мир души человека, в мир его эмоций и чувств» [Шкляр 1989: 44-45]. Концепцию человека В. М. Шукшин создает с помощью деталей. Так, например, в рассказе-очерке «Охота жить» образ таинственного героя, пришедшего на займку к старику-охотнику, выстраивается посредством нескольких деталей внешности: улыбки, взгляда, золотых зубов: *«Когда он прикуривал, Никитич лучше разглядел его – красивое бледное лицо с пушистыми ресницами. С жадностью затянулся, приоткрыл рот – сверкнули два передних золотых зуба. Оброс. Бородака аккуратная, чуть кучерявится на скулах... Исхудал... Перехватил взгляд старика, приподнял догорающую спичку, внимательно посмотрел на него. Бросил спичку. Взгляд Никитичу запомнился: прямой, смелый... И какой-то “стылый” так – определил Никитич»*; *«И улыбка его понравилась Никитичу – не “охальная”, простецкая, сдержанная»*; *«Взгляд потеплел»*; *«И улыбнулся ласково. Глаза у парня горели ясным, радостным блеском»* [Шукшин 1984–1985, т. 2: 195-198]. Несмотря на доброе расположение старика к незнакомцу, повтор деталей создает у читателя ощущение надвигающейся опасности. Тональность рассказа меняется с изменением признаков портретных деталей: *«Лицо парня Никитич не видел, но оно стояло у него в глазах – бледное, с бородакой; дико и нелепо звучал в теплой тишине избушки свирепый голос безнадежно избитого судьбой человека с таким хорошим, с таким прекрасным лицом»*; *«смутно – пятном – белело в сумраке, в углу, его лицо, зло и жутковато сверкали глаза»* [Там же: 200]. Динамика изменения внешности незнакомца не оставляет сомнений в надвигающейся трагедии.

В рассказе-очерке «Петя» детали внешности постепенно поглощают индивидуальность героя, превращая его в типовой образ мещанина с его трепетным отношением к бытовым атрибутам жизни: «Хо-

дит он враскорячку. Мне кажется, это у него благоприобретенное, эта раскорячка. Подражает кому-то» [Шукшин 1984–1985, т. 2: 481]. В конце рассказа автор, стараясь понять главного героя, переходит к житейским размышлениям: *«Бывает так, что человек – вставлен в костюм, и костюм идет по улице самостоятельно, человек только помогает ему передвигаться. С Петей не так. Петя идет сам – медленно, в раскачку – костюм удивительным образом подчеркивает то, что Петя никак не хочет скрывать: пузцо, смеющийся загибок и громадное удовлетворение. Покой»* [Там же: 485].

Портретная деталь в рассказе-очерке «Рыжий» способствует конструированию обобщенного типа человека-характера. Главными героями повествования являются мальчик-подросток и водитель. Все происходящие события даны сквозь призму восприятия ребенка, который на протяжении всего повествования акцентирует свое внимание на действиях и единственной детали внешности шофера – цвете волос: *«крепкий, весь **рыжий-рыжий**, а глаза голубые»; «**рыжий** развернулся, быстро вскочил в кабину»; «**рыжий** прямо лег на руль»; «**рыжий** был спокоен»* [Шукшин 1984–1985, т. 2: 224–225]. Повтор детали, а также обилие глагольной лексики «работают» на создание драматизма ситуации, в которую попадают герои. Ситуация, с одной стороны, становится своеобразной лакмусовой бумажкой для водителя – он не струсил, не растерялся в ситуации надвигающейся аварии, не испугал своими действиями ребенка, с другой стороны, выводит повествование на уровень философских, жизненных обобщений: *«С тех пор я нет-нет ловлю себя на том, что присматриваюсь к рыжим: какой-то это особенный народ, со своей какой-то затаенной, серьезной глубинкой в душе... Очень они мне нравятся. Не все, конечно, но вот такие вот – молчаливые, спокойные, настырные... Такого не враз сшибешь. И зубы ему не заговоришь – он свое сделает»* [Там же: 225].

Важность детали видится не только в создании определенного типа личности, но и в воспроизведении масштабности проблемы, показанной через призму частного случая. В рассказах-очерках В. М. Шукшина эту функцию выполняет бытовая деталь. В рассказе «Жил человек...» смерть больного становится толчком к глубоким размышлениям автора о смысле жизни. Центральной деталью в рассказе является маленькая точка на экране медицинского аппарата и реакция на нее со стороны медицинского персонала и повествователя. Для врачей точка – еще одна цифра для статистики, для повествователя – символ угасающей жизни. Обратимся к фрагменту текста: *«<...> стоит в коридоре такой телевизор, возле него люди в белых халатах, смотрят в телевизор, некоторые входят в палату, выходят, опять*

смотрят в телевизор. А там, в синем, как кусочек неба, квадрате прыгает светлая точка... <...>. Прыгала, прыгала эта точечка и остановилась. Люди вошли в палату, где лежал... теперь уж труп; телевизор выключили» [Шукшин 1984–1985, т. 2: 249]. Повторяющаяся деталь способствует драматизации авторской речи. Ряд однородных сказуемых «прыгает», «прыгала», «прыгала», «остановилась» передает динамику угасания жизни: сначала действия представлены в настоящем времени, затем в прошедшем. Символическое обозначение человеческой жизни, как светлой тоненькой точки, угасание которой можно фиксировать с помощью экрана телевизора, затрагивает философско-этическую проблему быстротечности жизни и неизбежности смерти.

В рассказе-очерке «Залетный» бытовая деталь – сельский дом становится смысловым знаком, ведущим к пониманию характера главного героя Сани Неверова: *«Изба Сани стояла на краю деревни, над рекой, присела задом в крутизну берега, а двумя маленькими глазами-окнами смотрела далеко-далеко – через реку, в синие горы. Была маленькая оградка, какие-то старые бревна, две березки росли... Там, в той оgrade, отдыхала душа»* [Шукшин 1984–1985, т. 2: 281]. Расположение дома «на краю деревни» свидетельствует об одиночестве героя, о его оторванности от окружающего мира, что впоследствии подтверждается настороженным и даже негативным отношением сельчан к Сани: *«Бабы замужние возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне. Появился он этой весной, облюбовал у цыган развалюху, торговал, купил и стал жить»* [Там же]. Выбор героем жилья для жизни неслучаен. Изба и Саня в рассказе становятся зеркальным отражением друг друга. Фрагменты описания портрета персонажа и его жилища наполнены душевным переживанием как автора, так и персонажа Филиппа Наседкина, их неподдельным сочувствием к человеку с искалеченной судьбой. Сравним описание избы *«присела задом в крутизну берега, а двумя маленькими глазами-окнами смотрела далеко-далеко – через реку <...> Была маленькая оградка, какие-то старые бревна»* и портрета героя – *«весь больной, весь изрезанный (и плеврит, и прободная язва желудка, и печень, и колит, и черт его не знает, чего у него только не было, и геморрой), он жил так: сегодня жив, а завтра – это надо еще подумать»*. Важными составляющими детали дома являются окна, ассоциирующиеся с уставшим от жизненных тягот взглядом героя, и ограда как особое сакральное пространство, в котором душа обретает покой. Именно эти элементы помогают понять скрытые от глаз сельчан внутренние переживания героя, его желание по-житейски понять смысл жизни и смерти.

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что деталь актуализирована на всех уровнях организации текстов рассказов-очерков В. М. Шукшина. Она отличается полифункциональностью. В текстах писателя выделяются несколько типов детали: вещная, поведенческая, портретная, социально-бытовая. Смысловая насыщенность детали зависит от содержательной стороны текстов. В текстах первой разновидности вещная деталь служит задачам изображения социально значимой проблемы, сопоставление персонажей посредством портретной или поведенческой детали ведет к эксплицированию скрытого морально-нравственного конфликта. Повторяемость вещной детали рождает динамику повествования. Во второй разновидности доминируют портретная и социально-бытовая детали. Функция портретной детали заключается, во-первых, в создании целостного образа персонажа, принадлежащего к определенному человеческому типу, во-вторых, в выстраивании тональности всего произведения. Социально-бытовая деталь служит усилению эмоционально-модальной стороны повествования.

ЛИТЕРАТУРА

Беневоленская Т. А. Портрет современника : очерк в газете. М. : Мысль, 1983. 134 с.

Журбина Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М. : Мысль, 1969. 243 с.

Козлова С. М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул : Изд-во АГУ, 1992. 184 с.

Кукуева Г. В. Рассказ-очерк В.М. Шукшина как синтетический художественно-речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2007. № 8 (86). С. 32-38.

Кукуева Г. В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование : монография. Барнаул : БГПУ, 2008. 284 с.

Кукуева Г. В. Узловые точки авторской стратегии в акте художественно-речевой коммуникации (на материале малой прозы В.М. Шукшина) // Язык и культура. 2016. № 3 (35). С. 23-38.

Куляпин А. И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 140 с.

Резина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987 : сборник научных работ. М. : Наука, 1989. С. 134-152.

Рыбальченко Т. Л. Литературные жанры // Творчество В.М. Шукшина в современном мире : сб. ст. / отв. ред. С. М. Козлова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219-227.

Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. 509 с.

Успенский Б. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 352 с.

Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М. : Изд-во Московского ун-та, 1982. 192 с.

Шкляр В. И. Публицистика и художественная литература: продуктивно-творческая интеграция : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1989. 52 с.

Шукишин В. М. Нравственность есть правда // Я пришел дать вам волю: Роман. Публицистика. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1991. С. 403-413.

Шукишин В. М. Собрание сочинений : в 3 т. / сост. Л. Федосеева-Шукшина ; предисл. С. Залыгина. М. : Худ. лит., 1984–1985.

REFERENCES

Benevolenskaya T. A. Portret sovremennika: ocherk v gazete [Portrait of a contemporary: essay in a newspaper]. Moscow : Mysl', 1983. 134 p.

Zhurбина E. Teoriya i praktika khudozhestvenno-publitsisticheskikh zhanrov [Theory and Practice of Artistic and Publicistic Genres]. Moscow : Mysl', 1969. 243 p.

Kozlova S. M. Poehtika rasskazov V.M. Shukshina [Poetics of V.M. Shukshin's short stories]. Barnaul : Izdatel'stvo altajskogo universiteta, 1992. 184 p.

Kukueva G. V. Rasskaz-ocherk V.M. Shukshina kak sinteticheskij khudozhestvenno-rechevoj zhanr [Story-sketch by V.M. Shukshin as a synthetic art and speech genre]. In Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie. 2007. № 8 (86). P. 32-38.

Kukueva G. V. Rasskazy V.M. Shukshina: lingvotipologicheskoe issledovanie : monografiya [Stories by V.M. Shukshin: linguotypological research : monograph]. Barnaul : Barnaul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2008. 284 p.

Kukueva G. V. Uzlovye točki avtorskoj strategii v akte khudozhestvenno-rechevoj kommunikacii (na materiale maloj prozy V.M. Shukshina) [Nodal points of the author's strategy in the act of artistic-speech communication (based on the material of short prose by V.M. Shukshin)]. In Yazyk i kul'tura. 2016. № 3 (35). P. 23-38.

Kulyapin A. I. Tvorchestvo V.M. Shukshina: ot mimezisa k semiozisu : ucheb. posobie [Creativity of V.M. Shukshin: from mimesis to semiosis: tutorial]. Barnaul : Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2005. 140 p.

Revzina O. G. Sistemno-funkcional'nyj podhod v lingvisticheskoj poehtike [System-functional approach in linguistic poetics] // Problemy strukturnoj lingvistik. 1985–1987 : sbornik nauchnyh rabot [Problems of structural linguistics. 1985–1987 : collection of scientific papers]. Moscow : Nauka, 1989. P. 134-152.

Rybal'chenko T. L. Literaturnye zhanry [Literary genres]. // Tvorchestvo V.M. Shukshina v sovremennoj mire : sb. st. [Creativity of V.M. Shukshin in the modern world: a collection of articles] / Ed. S. M. Kozlova. Barnaul : Izdatel'stvo altajskogo universiteta, 1999. P. 219-227.

Timofeev L. I., Turaev S. V. Slovar' literaturovedcheskich terminov [Dictionary of literary terms]. Moscow : Prosveshchenie, 1974. 509 p.

Uspenskij B. Poehtika kompozicii [Poetics of composition]. St. Petersburg : Azbuka, 2000. 352 p.

Chernets L. V. Literaturnye zhanry (problemy tipologii i poetiki) [Literary genres (problems of typology and poetics)]. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982. – 192 p.

Shklyar V. I. Publicistika i hudozhestvennaya literatura: produktivno-tvorcheskaya integraciya : avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk [Journalism and Fiction writing: productive and creative integration : abstract of the dissertation of Doctor of Philology]. Kiev, 1989. 52 p.

Shukshin V. M. Nравstvennost' est' pravda [Morality is Truth]. In Ja prishel dat' vam volju [I came to give you freedom] : Roman. Publicistika. Barnaul : Altaiskoe knizhnoe izd-vo, 1991. P. 403-413.

Shukshin V. M. Sobranie sochinenij : v 3 t. [Collected works : in 3 volumes] / Comp. by L. Fedoseeva-Shukshina ; prephrase by S. Zalygin. Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1984–1985.

Данные об авторе

Кукуева Галина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (Сургут).

E-mail: kupala@inbox.ru

Author's information

Kukueva Galina Vasilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (Surgut).